

УДК 343.8 (574)

АЙДАРКАН БАЙДЕКОВИЧ СКАКОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева,
г. Астана, Республика Казахстан,
e-mail: editor62@yandex.ru

ОБ ОЦЕНКЕ ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ, ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ

Для цитирования

Скаков, А. Б. Об оценке поведения осужденных, лишенных свободы / А. Б. Скаков // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13(1–4), № 2. – С. 116–123.

Аннотация. Обеспечение прав и законных интересов человека в Казахстане и России является приоритетным направлением деятельности государства. Один из самых действенных способов стимулирования правопослушного поведения осужденных заключается в реализации прогрессивной системы отбывания наказания. В действующем казахстанском и российском законодательствах термин «прогрессивная система», к сожалению, не используется. Гораздо чаще он встречается в специальной литературе, чем в нормативных правовых актах.

В статье излагается авторское понимание прогрессивной системы и предлагается ее определение с учетом позиций различных ученых. Рассматривается значение эффективной реализации институтов прогрессивной системы для предупреждения преступности как в условиях изоляции от общества, так и после освобождения от наказания.

Ключевым моментом в применении институтов прогрессивной системы является определение степени исправления осужденного. Приводится общепризнанная классификация осужденных: положительно характеризующиеся (вставшие на путь исправления, твердо вставшие на путь исправления и доказавшие свое исправление) и отрицательно характеризующиеся (не вставшие на путь исправления и злостные нарушители режима). В связи с этим предлагается авторское представление о критериях исправления осужденного, классификации степеней исправления. Анализируются три классификационные группы (вставшие на путь исправления, твердо вставшие на путь исправления, доказавшие свое исправление). На основе данного анализа делается вывод о недостаточности данных критериев в современных условиях, то есть о необходимости разграничения по степени исправления большого числа категорий осужденных.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство, осужденные, прогрессивная система, исправление осужденных.

Конституциями Республики Казахстан и Российской Федерации приоритетным направлением деятельности государства определены обеспечение прав и законных интересов человека. Это требование распространяется и на осужденных, составляющих часть общества, поэтому наряду с принудительными мерами законодательством предусматриваются и иные способы воздействия на осужденных. Одним из них является стимулирование их правопослушного поведения путем реализации в процессе отбывания наказания прогрессивной системы.

В настоящее время значительная часть элементов прогрессивной системы уже реализована как в казахстанском, так и в российском законодательстве и правоприменительной практике. Из традиционно выделяемых форм прогрессивной системы в уголовно-исполнительном законодательстве предусмотрено постепенное изменение условий содержания осужденных как внутри одного исправительного учреждения, так и путем перевода в исправительное учреждение другого вида. В уголовном законодательстве закреплена возможность замены наказания более мягким или более строгим видом наказания, а также условно-досрочного освобождения осужденных.

В наиболее общем виде прогрессивную систему можно определить как организацию исполнения наказания, при которой в зависимости от поведения осужденного условия отбывания им наказания изменяются в сторону улучшения или ухудшения.

Следует отметить, что в действующих в казахстанском и российском уголовно-исполнительных кодексах термин «прогрессивная система» не используется. Гораздо чаще он встречается в специальной литературе, чем в правовых актах. Естественно, разные авторы вкладывают в него различный смысл. Отсутствует и общепринятая ее дефиниция. В связи с этим в данной статье рассматривается авторское понимание прогрессивной системы. Как нам представляется, прогрессивную систему можно охарактеризовать как единый институт, состоящий из нескольких самостоятельных элементов, включающих в себя нормы различных отраслей права.

Действительно, такие элементы прогрессивной системы, как изменение условий содержания осужденных в пределах одного исправительного учреждения и перевод в исправительное учреждение другого вида, обладают специфическими особенностями, не говоря уже о замене наказания в процессе отбывания и условно-досрочном освобождении, что позволяет рассматривать их как отдельные самостоятельные институты. Согласно теории к признакам правового института относят: наличие совокупности норм, имеющей собственную структуру; своеобразие юридической конструкции данной совокупности норм, ее внешнее обособление и обеспечение самостоятельного регулятивного воздействия на определенный участок общественных отношений; отраслевую чистоту норм [1]. Самостоятельный характер институтов, являющихся структурными элементами прогрессивной системы, казалось бы, должен служить препятствием для объединения их в единую систему, тем более что первые два имеют уголовно-исполнительную природу, а два последних – уголовно-правовую.

Между тем правовые институты могут образовываться не только в рамках одной отрасли. Тесная взаимосвязь уголовного и уголовно-исполнительного права, с помощью которого обеспечивается реализация значительной части предписаний уголовного законодательства и достижение стоящих перед ним задач, позволяет говорить о формировании межотраслевых институтов. В данном случае единые цель, правовые последствия, основания применения входящих в прогрессивную систему элементов позволяют говорить о ней как о едином институте, имеющем межотраслевой характер.

Другим важным вопросом, который следует рассмотреть, является значение эффективной реализации институтов прогрессивной системы для предупреждения преступности как в условиях изоляции от общества, так и после освобождения от наказания.

Большинство ученых-пенитенциаристов, изучавших значение институтов прогрессивной системы в профилактике правонарушений среди осужденных, отмечают их высокий потенциал в предупреждении преступности. Действительно, широкомасштабное применение структурных элементов прогрессивной системы путем изменения условий содержания в зависимости от поведения осужденных существенно улучшает дисциплинарную практику исполнения лишения свободы. Сделанный нами вывод подтвердился проведенным в конце 80-х годов прошлого века всесоюзным экспериментом, проведенным на базе исправительных колоний Чимкентской области Казахской ССР.

Учитывая изложенное, нами предлагается следующее определение прогрессивной системы: прогрессивная система является комплексным межотраслевым институтом уголовного и уголовно-исполнительного права, включающим в себя несколько самостоятельных институтов, в процессе применения которых правовое положение осужденного меняется в зависимости от степени его исправления в сторону либо расширения, либо ограничения объема его прав.

Другим ключевым моментом уже в применении институтов прогрессивной системы является определение степени исправления осужденного. Эта проблема весьма сложна, многоаспектна и сама по себе вполне может стать предметом самостоятельного изучения [2, с. 36–46].

Прежде всего, речь пойдет об изменившемся подходе законодателя к формулировкам, определяющим степень исправления осужденных. Дело в том, и это вполне естественно, что авторы, ориентировавшиеся на ранее действовавшее законодательство, исходили именно из старых формулировок и пытались наполнить их содержанием, например, показать, что означает формулировка «доказал свое исправление», как собственно оно доказывается (тем более что в законодательстве было на это прямое указание – примерным поведением и честным отношением к труду).

Можно констатировать, что практически общепризнанной стала следующая классификация осужденных: положительно характеризовавшиеся подразделялись на вставших на путь исправления, твердо вставших на путь исправления и доказавших свое исправление. Отрицательно характеризовавшиеся – на не вставших на путь исправления и злостных нарушителей режима [10, с. 59].

Как известно, в уголовно-исполнительном законе определены основные средства исправления осужденных. К ним, помимо режима и общественно полезного труда, относятся воспитательная работа, получение среднего образования, профессиональная подготовка, общественное воздействие (ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан). Исходя из этого и поведение понимается традиционно достаточно широко, то есть в него включается отношение осужденного ко всем элементам воспитательной деятельности [9, с. 14–15]. Кроме того, не следует забывать об основных обязанностях осужденных, предусмотренных в уголовно-исполнительном законодательстве. А они, разумеется, тоже должны исполняться.

Таким образом, описанный «расширительный» подход к определению понятия поведения вполне, на наш взгляд, оправдан. Так, Д. С. Чукмаитов, анализируя уже новое законодательство, вполне справедливо пишет: «Под примерным поведением следует понимать исполнение всех правовых норм, правил общежития, норм морали, соблюдение всех требований режима отбывания наказания в местах лишения свободы, каче-

ственное выполнение поручаемой работы, соблюдение правил техники безопасности, бережное отношение к оборудованию, материалам, инструментам и т. д.» [12, с. 83–84]. Приведенная цитата относится именно к примерному поведению, представляющему наиболее высокую степень исправления осужденного. Однако принципиальный подход к тому, что следует учитывать в качестве факторов, характеризующих поведение осужденного, от этого вряд ли может измениться. Заметим, что некоторые авторы значительно расширяют вышеприведенный перечень, добавляя к нему такие факторы, как взаимоотношения с семьей, отношение к принудительному лечению от алкоголизма или наркомании [6, с. 32]. В литературе высказывалось мнение, что число таких критериев может быть различным [4, с. 53; 7, с. 21–26] и даже бесконечным [2, с. 23–24].

Второй важный вывод, который можно сделать из вышеприведенных законодательных формулировок, состоит в следующем.

В новом законодательстве не нашла никакого отражения общепринятая доктринальная классификация степеней исправления осужденных, упоминавшаяся выше. Более того, за основу формулировок берутся разные, не соотносящиеся друг с другом показатели. На наш взгляд, это вряд ли можно признать обоснованным. Было бы более целесообразным адаптировать эту классификацию применительно к разным по степени «льготности» институтам прогрессивной системы. Например, вставшие на путь исправления могут переводиться на облегченные условия содержания, твердо вставшие – в исправительное учреждение другого вида, доказавшие свое исправление – освобождаться условно-досрочно.

Правда, здесь возникает одно обстоятельство. Как уже говорилось, вышеприведенная наиболее полная классификация осужденных по степени исправления создавалась с учетом норм ранее действовавшего законодательства. Трех классификационных групп (вставшие на путь исправления, твердо вставшие на путь исправления, доказавшие свое исправление) вполне хватало для того, чтобы «соответствовать» определенным институтам прогрессивной системы. Большого, собственно говоря, и не требовалось. Сейчас, похоже, необходима более «дробная» классификация. Иными словами, требуется разграничивать по степени исправления большее число категорий осужденных.

Попробуем обосновать это утверждение. Раньше речь шла именно о трех возможных правовых последствиях достижения той или иной степени исправления: перевод на улучшенные условия содержания в рамках одного исправительного учреждения – для вставших на путь исправления; перевод в исправительное учреждение другого вида – для твердо вставших на путь исправления; условно-досрочное освобождение либо замена наказания более мягким (степень исправления для применения этих институтов устанавливалась одинаковой, что, заметим, подвергалось справедливой критике специалистами [11, с. 23]) – для доказавших свое исправление.

Очевидно, следует исходить из того, что определенной степени улучшения правового положения осужденного должна соответствовать конкретная степень исправления. В противном случае возникает неразрешимая коллизия между стимулирующими положительное поведение нормами. В новом уголовно-исполнительном законодательстве Казахстана предусмотрено уже шесть степеней улучшения правового положения осужденных: 1) перевод на обычные, 2) облегченные и 3) льготные условия отбывания наказания в рамках одного исправительного учреждения, 4) перевод в учреждение иного вида, 5) замена наказания более мягким и 6) условно-досрочное освобождение.

Не исключено, что именно со сложностью выделения такого большого количества степеней исправления и связано отсутствие сколько-нибудь системного подхода зако-

нодателя к формулированию оснований применения различных институтов прогрессивной системы. На наш взгляд, в новом законодательстве этот подход даже менее систематичен, чем в ранее действовавшем.

Приведем, на наш взгляд, довольно яркий пример. Перевод на льготные условия содержания возможен для доказавших свое исправление осужденных; условно-досрочно могут быть освобождены, как уже отмечалось, лица, не нуждающиеся в полном отбывании наказания. Внешне формулировки вроде бы разные, а по сути, на наш взгляд, абсолютно идентичные. В самом деле, если осужденный исправился, то зачем дальше заставлять его отбывать наказание?

Из приведенного примера видно, что законодатель пытается разграничить степени исправления, применяя внешне различные, но по существу одинаковые формулировки. Вот здесь-то и возникает упоминавшаяся выше коллизия. Осужденные, достигшие одинаковой степени исправления, могут в равной мере претендовать как на льготные условия отбывания наказания в том исправительном учреждении, в котором они ранее находились, так и на условно-досрочное освобождение. Это вряд ли справедливо, поскольку условно-досрочное освобождение явно более «льготная» мера.

Было бы более целесообразным отразить в законе уже существующую классификацию осужденных по степени исправления. Правда, для этого потребуются, как видно из вышеизложенного, более дробная градация. При этом следует учитывать, что классификация осужденных по степени исправления не самоцель. Она направлена, прежде всего, на решение сугубо практических задач, а именно – на определение возможности применения институтов прогрессивной системы. Нецелесообразно определять степень исправления исходя из чисто умозрительных соображений, а затем ждать, пока законодатель прислушается к этим соображениям. Недопустимо также ставить «классификационные группы в зависимость от объема изменения условий отбывания наказания. Было бы более правильным вначале определить эти группы исходя из основного критерия их формирования – степени исправления, а затем уже устанавливать необходимые для каждой группы условия отбывания наказания» [5, с. 37].

Именно указанные обстоятельства, на наш взгляд, побудили законодателя прибегнуть к цифровому обозначению степеней положительно характеризующихся осужденных. Однако законодателем были определены только 3 положительные степени поведения осужденных, соответствующих условиям содержания в пределах одного учреждения (обычные, облегченные и льготные условия). Другие институты прогрессивной системы, применение которых возможно при достижении определенной положительной степени поведения осужденных, не нашли своего воплощения в новом законодательстве Казахстана.

Такое деление может принести практическую пользу в том случае, если данная классификация будет закреплена в инструкции по воспитательной работе, а степень исправления будет отражаться в характеристиках осужденных. Разумеется, характеристики осужденным даются периодически либо по мере необходимости (например, в случае представления к условно-досрочному освобождению, помилованию и т. п.), поэтому в них можно будет вносить коррективы, но, несомненно, что они окажут помощь во многих случаях оценки степени исправления осужденных.

Следует отметить, что для реализации данного предложения необходимо попытаться связать классификационные группы с уже действующим законодательством. Более того, такой шаг просто необходимо пытаться сделать, поскольку без него сильно затрудняется применение уже действующих институтов прогрессивной системы. Так, в насто-

ящее время у органов правосудия имеются сложности в оценке поведения осужденных при условно-досрочном освобождении. У судей возникает обоснованный вопрос: как оценивать поведение осужденного, не имеющего в течение длительного времени как взысканий, так и поощрений? Этот вопрос связан с установлением законодателем правила о возможности применения институтов прогрессивной системы только при наличии определенного количества поощрений. На наш взгляд, отсутствие в течение длительного времени взысканий у осужденного следует рассматривать его поведение как положительное. Именно данного результата государство стремится достигнуть при реализации уголовно-исполнительной политики.

Авторы, не связывающие определение степени исправления положительно характеризующихся осужденных с реализацией входящих в прогрессивную систему элементов, ограничиваются меньшим числом классификационных групп, следуя закрепленным в законе предпосылкам. В частности, предлагается в основу деления осужденных положить такой традиционный критерий, как степень отражения позитивных сдвигов в направленности их личности, и различать следующие группы: осужденные, становящиеся на путь исправления, положительно характеризующиеся осужденные и не нуждающиеся для своего исправления в полном отбывании назначенного судом наказания [9, с. 16–17]. Полагаем, воспроизведение содержащихся в уголовно-исполнительном законодательстве формулировок не способно внести ясность в систему градации осужденных, связать ее с существующими стимулирующими мерами и обеспечить индивидуализированный подход к каждому осужденному, поэтому сформулированный нами вариант деления осужденных на группы представляется более предпочтительным.

Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что при предложенной нами более дробной классификации возникают дополнительные сложности в плане определения критериев отнесения осужденных к той или иной группе. Попросту говоря, задача состоит в том, как определить, если так можно выразиться, степень «интенсивности» положительного поведения. Нетрудно заметить, что как в ранее действовавшем, так и в новом законодательстве какие-либо объективные критерии при формулировании оснований применения институтов прогрессивной системы не используются. Исключение, пожалуй, составляет лишь одно из условий перевода на облегченные условия содержания. Как уже упоминалось, в этом случае говорится об отсутствии взыскания за нарушение установленного порядка отбывания наказания. Такую формулировку можно, на наш взгляд, признать достаточно удачной. Здесь, по крайней мере, есть какая-то ясность. Было нарушение и соответственно взыскание за него – перевод невозможен, и наоборот. Наличие же взыскания – показатель объективно зафиксированный. Это препятствует в определенной мере произвольной оценке поведения осужденного, но повторим, это единственное исключение из общего правила. В целом же при определении степени исправления приходится по-прежнему руководствоваться оценочными понятиями.

Вспомним мнение авторов монографии по материалам специальной переписи осужденных. По сути, на наш взгляд, замена названий классификационных групп в рассматриваемом аспекте ничего не меняет принципиально. Главное состоит в том, возможно ли в самом тексте закона попытаться выделить какие-то объективные показатели поведения осужденного. С одной стороны, это крайне желательно, поскольку будет способствовать единообразному применению закона, с другой – довольно сложно уложить в тесные рамки законодательных формулировок все многообразие жизненных ситуаций.

Любопытное, на наш взгляд, высказывание приводит по этому поводу А. В. Бриллиантов: «...осужденный может проявлять активность и инициативу в работе самодее-

тельных организаций, и это будет одним из обстоятельств, говорящих о положительных процессах в его исправлении. Но отсутствие инициативы вовсе не будет означать, что осужденный не исправляется. Ее не проявление может быть вызвано характером осужденного, нежеланием выделяться и т. д.» [5, с. 40]. В таком утверждении присутствует, на наш взгляд, изрядная доля истины.

В то же время вряд ли можно полностью согласиться с выводом А. В. Бриллиантова, который он делает исходя из вышеприведенного утверждения, а именно: все критерии исправления нужно разделить на обязательные (соблюдение режимных требований, взаимоотношения с администрацией и осужденными и отношение к труду) и факультативные (все иные) [5, с. 40]. Сам по себе такой подход может быть, по нашему мнению, достаточно продуктивным. Что же касается отнесения критериев исправления к обязательным и факультативным, то здесь все не так просто.

Как уже отмечалось, законодатель перечисляет в специальной статье Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан основные средства исправления осужденных. К ним, например, в равной мере относятся общественно полезный труд и воспитательная работа. Почему же отношение к труду следует относить к обязательным критериям исправления, а отношение к воспитательным мероприятиям – к факультативным? Другое дело, что воспитательные мероприятия могут быть разными и по содержанию, и по значению. На наш взгляд, отношение к общеобязательным мероприятиям (отказ от которых может повлечь правовые последствия в виде взыскания) должно учитываться в качестве обязательного критерия степени исправления наряду, скажем, с отношением к труду.

Однако действительность вносит свои коррективы, и приходится исключать некоторые показатели из числа критериев, учитываемых при определении степени исправления осужденных. В частности, отношение к труду осужденных нельзя рассматривать как общеобязательный критерий по такой объективной причине, как незанятость трудом значительной части осужденных [8, с. 31]. Заметим, что, по данным наших исследований, обеспечены работой около 20 %, причем эта цифра имеет существенные колебания в разных областях и особенно в разных колониях. Если к этому добавить, что определенное число осужденных выводится на работу, но заняты неполный рабочий день или неполную рабочую неделю, то станет ясно, что критерий «отношение к труду» применим далеко не ко всем осужденным. Тем не менее сбрасывать со счетов, на наш взгляд, его не стоит. Во-первых, определенная часть осужденных работает. Даже если они заняты трудом не полностью, их отношение к работе начальнику отряда всегда известно. Во-вторых, такое положение с трудовой занятостью в конце концов начнет постепенно меняться, и тогда этот критерий заработает в полную силу. Вспомним, что в то время, когда трудом были заняты все осужденные, он был одним из основных.

Определение критериев степени исправления осужденных – задача весьма непростая. В литературе даже высказывалось предположение, что в перспективе оно будет решаться с помощью более точных, возможно, математических методов [3, с. 87–88]. Однако математические методы слишком формальны. Кроме того, на наш взгляд, пока далеко не полностью используются даже привычные юридические критерии.

В качестве примера можно привести закрепление в законодательстве понятий «злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания», «лицо, систематически нарушающий установленный порядок отбывания наказания» и «нарушитель установленного порядка отбывания наказания». В данном случае законодатель предпринял попытку выделить объективные критерии степени исправления.

Возникает вопрос: почему бы не попытаться применить подобный подход и к определению степени исправления положительно характеризующихся осужденных? На наш взгляд, было бы вполне разумно соотносить ту или иную степень исправления с соответствующим «набором» поощрений. Вероятно, правда, что здесь не должно, а возможно, и не может быть столь жесткой формализации, как при признании злостным нарушителем режима. Однако сама по себе постановка вопроса представляется вполне правомерной.

На основании изложенного можно сформулировать следующие основные выводы:

а) новое законодательство в целом сохранило преемственность в определении степени исправления осужденных;

б) в новом законодательстве с установлением общего правила о различных условиях отбывания наказания в пределах одного исправительного учреждения прогрессивная система приобрела вполне законченный вид и может считаться основой всего карательно-воспитательного воздействия на осужденных;

в) в настоящее время существует настоятельная потребность в более дробной классификации положительно характеризующихся осужденных;

г) широкомасштабное применение прогрессивной системы исполнения лишения свободы значительно повысит эффективность профилактики преступности как при отбывании осужденными наказания, так и после их освобождения.

Библиографический список

1. Аванесов Г. А. Прогрессивная система отбывания лишения свободы / под ред. Н. А. Стручкова. М., 1970. 87 с.
2. Астемиров З. А. О сущности и критериях исправления осужденных // Вопросы исправления и перевоспитания заключенных. Ростов н/Д, 1966. С. 20–26.
3. Бажанов О. И. Прогрессивная система исполнения наказания. Минск, 1981. 167 с.
4. Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л., 1963. 186 с.
5. Бриллиантов А. В. Дифференциация наказания и степень исправления осужденных к лишению свободы : монография. М., 1997. 130 с.
6. Васильев А. И. Правовые основы применения мер поощрения и взыскания к осужденным к лишению свободы. Рязань, 1982. 96 с.
7. Михлин А. С. Дискуссионные вопросы замены неотбытой части наказания более мягким // Проблемы освобождения осужденных от отбывания наказания : сб. науч. тр. / ВНИИ МВД СССР ; под ред. Н. А. Стручкова. М., 1983. № 67. С. 30–35.
8. Самалдыков М. Цели уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан требуют кардинального изменения // Фемида. 2002. № 12. С. 30–34.
9. Синичкин А. А. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 28 с.
10. Сундуров Ф. Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей. Казань, 1976. 215 с.
11. Ткачевский Ю. М. Освобождение от отбывания наказаний по действующему советскому уголовному праву : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965. 36 с.
12. Чукмаитов Д. С. Теоретические основы системы исполнения наказаний по законодательству Республики Казахстан : монография. Алматы, 1999. 342 с.